

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ

ВТОРНИКЪ, 23 АПРѢЛЯ 1935
MARDI, 23 AVRIL 1935

НОМЕРЪ
ВО ФРАНЦІИ **50** cent.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ П. Н. МИЛЮКОВА
Quotidien Russe "LES DERNIERES NOUVELLES" Directeur P. N. MILIOUKOV

LE NUMERO
EN FRANCE **50** cent.

ВТОРНИКЪ, 23 АПРѢЛЯ 1935
MARDI, 23 AVRIL 1935

№ 5143

16^e
ANNEE
113

ABONNEMENT AUX «DERNIERES NOUVELLES»
(Partant du 1er et 15 de chaque mois)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА „ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ“
(съ 1-го и 15-го каждаго мѣсяца)

	1 мѣс.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ
Во Франціи . . . France	14	40	75	145
За-границей . . . Etranger	25	70	135	205
Перемѣна адреса — 1 фр. —	Changement d'adresse — 1 fr			

Подписка принимается въ Конторѣ газетъ
и въ отдѣленіяхъ, а также въ книжныхъ
отдѣленіяхъ.
Цѣна: Въ Парижѣ и провинціи — 50 с.
За-границей — 80 cent.
Пріемъ объявленій въ Конторѣ газетъ.

ADRESSE DE LA REDACTION ET DE L'ADMINISTRATION
Адресъ Конторы и Редакціи
51, Rue de Turbigo, 51 — Paris III (Métro : Arts et Métiers)

On s'abonne aux Bureaux du Journal
et dans tous les Bureaux de Poste
Le numéro: Paris et Départements — 50 c.
Etranger — 80 cent.
Annonces : aux Bureaux du Journal

Телефонъ редакціи TURBIGO 81-52
„ конторы ARCHIVES 88-00
„ отд. объявленій TURBIGO 51-20, 51-21
Ночной телефонъ редакціи (послѣ 9 час. вечера):
PROVENCE 78-17
Телеграфный адресъ Adresse télégraphique
DERNOUVED PARIS 03

№ 5143

16-й ГОДЪ
ИЗДАНІЯ
113

„Вишневый садъ“ — чеховскій и совѣтскій

По случаю исполнившагося въ январѣ 75-лѣтія со дня рожденія Чехова, многіе совѣтскіе театры возобновляютъ его пьесы. Въ послѣднихъ книжкахъ «Литературнаго Современника» старый критикъ, Д. Таллинковъ, даетъ обзоръ «Чехова на совѣтской сценѣ». Онъ подробно разбираетъ наиболѣе интересный, по его мнѣнію, изъ этихъ новыхъ спектаклей — «Вишневый садъ», поставленный въ Московскомъ театрѣ Симеонова. Судя по этому разбору, зритель, читавшій чеховскую пьесу или видѣвшій ее раньше, не сразу можетъ догадаться, что ему показываютъ «Вишневый садъ», прежде всего, «динамизированъ» перемонтажемъ текста и разбивкой пьесы на сцены. Каждый чеховскій актъ разбивается на рядъ непрерывно слѣдующихъ одинъ за другимъ выходовъ, повораживающихъ сцену и мѣсто дѣйствія разными своими сторонами». Разрѣзаваніе на куски живой ткани пьесы, изъ которой затѣмъ режиссеръ сшиваетъ нѣчто, очень мало напоминающее созданіе автора, было впервые примѣнено Мейерхольдомъ. Самъ Мейерхольдъ отъ этого приема постепенно отказывался, но его подражатели рѣшутъ и сшиваютъ до сихъ поръ безъ всякаго стѣсненія, прибавляя къ авторскимъ кускамъ и свои собственные. Такъ, режиссеръ симеоновскаго театра, Лобановъ, создаетъ цѣлыя сцены изъ короткихъ чеховскихъ репликъ. Фраза лакея Яши, что Епиходовъ сломалъ кій, показывается въ дѣйствіи. Симеоновъ-Нищикъ принимаетъ илюзии и почему-то падаетъ отъ нихъ въ обморокъ. Коротенькія его восклицанія: «Деньги пропали! Гдѣ деньги? Вотъ онъ за подкладкой», превращаются въ самостоятельную большую сцену.

Вмѣсто второго акта, наиболѣе неподвизнато въ пьесѣ, Лобановъ выдумалъ двѣ сцены. Первая — конспиративное собраніе въ старой банѣ, гдѣ живетъ студентъ Трофимовъ. Этого студента, котораго съ такой теплотой изобразилъ Чеховъ, совѣтскій театръ превращаетъ въ комическій персонажъ, символъ «россійской говорильни». Своя рѣчь онъ произнеситъ передъ молодыми людьми и крестьянами, при чемъ для этого въ пьесу введено нѣсколько дополнительныхъ карикатурныхъ фигуръ гимназистовъ и дворячекъ, которые причтутся отъ Вари, тушить свѣтъ и т. д. Д. Таллинковъ, въ общемъ, признающій «талантливость

спектакля», находитъ, что эта сцена носитъ «нездѣльный карикатурный, водеvilный характеръ». Болѣе удачна, по его мнѣнію, переброска мѣста дѣйствія въ другой сценѣ: разговоръ «господъ» послѣ обильнаго завтрака въ ресторанѣ, гдѣ будущій владѣлецъ вишневаго сада угощаетъ Раневскую и Гаева. Сцена основана на репликѣ Гаева: «Вотъ, желѣзную дорогу построили, и стало удобно, — съѣздили въ городъ и позавтракали», и словахъ Раневской: «Дрянной вашъ ресторанъ съ музыкой. Ска-терти пахнутъ мыломъ». Режиссеръ почему-то изобразилъ на сценѣ не дрянной, а довольно богатый ресторанъ съ соответствующимъ оркестромъ, вмѣсто того, «еврейскаго», — четыре скрипки, флейта и контрабасъ, о которомъ вспоминаетъ Раневская. Здѣсь же въ ресторанѣ передъ половыми Трофимовъ произноситъ обвинительныя рѣчи объ интеллигенціи и «гордомъ человѣкѣ», а Раневская рассказываетъ о своихъ «грѣхахъ».

Несъ эти искаженія пьесы имѣютъ цѣлью показать, что «прогнившее умираетъ, не вызывая жалости». Чтобы «снизить» представителей «умирающаго дворянства», режиссеры прибѣгаютъ къ приему совершенно смердяковскому: онъ дѣлаетъ намеки на возможность какихъ-то двусмысленныхъ отношений между Раневской и ея наглымъ лакеемъ Яшей. Правда, по оцѣнкѣ Д. Таллинкова, это «показано очень тонко», но, очевидно, достаточно ясно, чтобы зритель понималъ намеки. Совѣтскій театръ, вообще имѣетъ пристрастіе къ такой «колонизационнѣ» — сниженію «женскихъ образовъ». «Влеченіе старѣющихъ женщинъ къ молодымъ людямъ» приписывается даже героинямъ, далекимъ еще отъ старости. «Въ провинціи кто-то умудрился, — пишетъ Д. Таллинковъ, — и драму Катерины въ «Грохъ» показать, какъ трагедію постарѣвшей женщины, полюбившей молодого человѣка, — явный отзвукъ мейерхольдовскихъ постановокъ». Режиссеры Западскій въ «Волкахъ и овцахъ» показываютъ въ такомъ же духѣ отношенія Глафиры и Горькаго, для чего у Островскаго нѣтъ никакихъ данныхъ.

Столь же безцеремонно мѣняютъ симеоновскій театръ и другія фигуры «Вишневаго сада». Симеоновъ-Нищикъ, этотъ познокровный, вѣчно суетящійся помѣщикъ, о

которомъ въ пьесѣ говорятъ, что «здоровье у него лошадиное», превращенъ въ совершенно опустившагося, жалкаго, измученнаго старика, — символизирующаго «полное вырожденіе дворянскаго міра». А вмѣсто «лошадиного здоровья» его лицу придали какой-то лошадиный профиль.

На сѣнѣ этого умирающаго міра приходится, по пьесѣ, новый хозяинъ вишневаго сада, Лопухинъ. Чеховъ писалъ о немъ, что это хоть и купецъ, «но порядочный человѣкъ, во всѣхъ смыслахъ... Держаться онъ долженъ вполнѣ благопристойно, интеллигентно, не мелко, безъ фокусовъ... Не надо, чтобы это непременно былъ купецъ. Это мѣлкій человѣкъ». Въ новой постановкѣ Лопухинъ «классовый хищникъ», что особенно ярко выражается въ сценѣ бала, когда онъ идетъ вокругъ всего зала барскаго дома, позванивая ключами, чего чеховскій Лопухинъ никогда бы не сдѣлалъ. Конечно, у «классоваго хищника» пришлось выбросить и тѣ «слезы», съ которыми онъ говоритъ послѣ покупки имѣнія Раневской: «О, скорѣе бы измѣнилась жизнь!», и лишитъ его «тонкихъ, нѣжныхъ пальцевъ артиста».

Съ гораздо большимъ уваженіемъ къ Чехову сдѣлана постановка «Вишневаго сада» въ Харьковѣ, гдѣ театромъ драмы руководитъ бывший режиссеръ Александринскаго театра Н. В. Петровъ. Театръ выпускаетъ для своихъ важнѣйшихъ постановокъ спеціальныя книги, и такой сборникъ вышелъ и по случаю возобновленія «Вишневаго сада» *). Онъ заключаетъ обширную статью С. Д. Балухатаго «Драматургія Чехова» и докладъ самого Н. В. Петрова, читанный артистамъ передъ началомъ работы надъ пьесой. Задача постановки — «утвердить оптимизмъ Чехова и вскрыть тенденціи социальнаго звучанія Чехова, какъ драматурга». Нѣсколько видно изъ доклада, это «соціальное звучаніе» не приметъ столь рѣзкихъ и совершенно чуждыхъ Чехову формъ, какъ у Лобанова. И тексты, и чеховскія характеристики персонажей должны быть сохранены бережно.

Но, конечно, у нашихъ режиссеровъ, можетъ быть, иной подходъ къ пьесѣ, чѣмъ тотъ, который далъ московскій Художественный театръ въ своей классической постановкѣ, и для новаго подхода можно найти оправданія у самого Чехова. Художественники показываютъ «Вишневый садъ»,

*) С. Д. Балухатый и Н. В. Петровъ. Драматургія Чехова. Къ постановкѣ пьесы «Вишневый садъ». Изданіе Харьковскаго театра русской драмы. 1935 г. Стр. 208.

какъ лирическую драму, поэму угасанія, однако, самъ Станиславскій въ 1925 году писалъ о возможности иной трактовки, — и этой, и другихъ чеховскихъ пьесъ. «Глава о Чеховѣ еще не кончена. Ее еще не прочли, какъ слѣдуетъ, не вникли въ ея сущность; пусть ее откроютъ вновь, изучатъ и дочтутъ до конца...». Въ «Вишневомъ садѣ» Художественный театръ «выставилъ на первый планъ слишкомъ ярко повседневное, вышнюю жизнь пьесы и ея бытовую сторону». Мечта Чехова, «главный мотивъ пьесы», тотъ «тревожный звонокъ, который звучитъ въ ней, — заглушенъ». «Дайте, — пишетъ Станиславскій, — Лопухину размахъ Шалапина, а молодой Анѣ темпераментъ Ермоловой, и пусть первый со всей своей мощью рубитъ отжившее, а молодая дѣвушка, предчувствующая вмѣстѣ съ Петей Трофимовымъ приближеніе новой эпохи, крикнетъ на весь міръ: «Здравствуй новая жизнь!», и вы поймете, что «Вишневый садъ» живая, для насъ близкая современная пьеса, что голосъ Чехова звучитъ въ ней бодро, зажигательно, что онъ смотритъ не назадъ, а впередъ».

Но когда, черезъ три года послѣ появленія этихъ строкъ, Художественный театръ возобновилъ «Вишневый садъ», онъ не попытался «прочесть» Чехова по-иному, чѣмъ раньше. Постановка оказалась прежней. Интересно, будетъ ли «прочтено», какъ слѣдуетъ, другой, можетъ быть, лучший изъ всѣхъ чеховскихъ спектаклей — «Три сестры», которыхъ театръ готовитъ для будущаго сезона?

При постановкѣ «Вишневаго сада» между театромъ и авторомъ было немало разногласій. «Вышла у меня не драма, а комедія, мѣстами даже фарсъ», — писалъ Чеховъ М. И. Дилиной, — и я боюсь, какъ бы мнѣ не досталось отъ Владиміра Ивановича (Немировича-Данченко)». Эту комедійную сторону пьесы Чеховъ подчеркивалъ много разъ. «Если пьеса у меня выйдетъ не такая, какъ я задумалъ, то стукни меня по лбу кулакомъ. У Станиславскаго роль комическая и у тебя тоже», — писалъ Чеховъ женѣ, О. Л. Книпперъ. — «Послѣдній актъ будетъ веселый, да и вся пьеса веселая, легкомысленная», — пишетъ онъ ей же черезъ полгода, 21 сентября 1903 года. — «Пьесу назову комедіей», — сообщаетъ онъ Немировичу-Данченко. Лучшей ролью онъ считалъ гувернантку, Шарлотту Ивановну, и писалъ Книпперъ: «Ахъ, если бы ты въ моей пьесѣ играла гувернантку!».

Первоначально Чеховъ хотѣлъ изобра-

зить Раневскую старухой. «Въ этой пьесѣ центральная роль старухи», — сообщалъ онъ В. Ф. Комиссаржевской. — И поздѣе, въ письмѣ къ Книпперъ: «Писать для вашего театра не очень хочется, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что у васъ нѣтъ старухи». Особенно волновала Чехова роль Лопухина, по замыслу автора, центральной фигуры въ пьесѣ. «Купца долженъ играть только Станиславскій», — писалъ онъ Книпперъ. — Видъ это не купецъ, въ пошломъ смыслѣ слова, надо сіе понимать». Станиславскій сначала готовилъ двѣ роли: Лопухина и Гаева. «Не могу сказать, какую роль хочу больше», — писалъ Станиславскій Чехову. — И та, и другая чудесны и по духу. Правда, Лопухина боюсь. Говорятъ, что у меня не выходятъ кунцы, или, вѣрнѣе, выходятъ театральными, придуманными. Лопухинъ, правда, хорошій малый — добродушный, но сильный. Онъ и вишневый садъ купилъ какъ-то случайно и даже сконфузился потомъ. Пожалуй, онъ и попался по-этому. Гаевъ, по-моему, долженъ быть легкимъ, какъ и его сестра. Онъ даже не замѣчаетъ, какъ говоритъ. Понимаетъ это, когда уже все сказано. Для Гаева, кажется, нашелъ тонъ. Онъ выходитъ у меня даже аристократомъ, но немного чудакомъ». Роль эта, какъ извѣстно, въ совершенствѣ удалась Станиславскому.

Театръ игралъ пьесу не комедіей, а лирической драмой, и это очень не нравилось Чехову. «Почему на афишахъ и въ газетныхъ объявленіяхъ моя пьеса такъ упорно называется драмой? — писалъ онъ Книпперъ 10 апрѣля 1904 года. — Немировичъ и Станиславскій въ моей пьесѣ видятъ положительно не то, что я написалъ, и я готовъ дать какое угодно слово, что они оба ни разу не прочли внимательно моей пьесы. Прости, но я увѣряю тебя». Это, конечно, слишкомъ раздраженное сужденіе, но Чеховъ былъ правъ въ томъ смыслѣ, что театръ углубилъ въ значительной мѣрѣ тѣ мотивы, какіе для автора были второстепенными. И послѣ перваго представленія пьесы, несмотря на всѣ овации, которыми оно сопровождалось, Чеховъ писалъ пріятелю, Щеглову: «Вчера шла моя пьеса. Настроеніе у меня поэтому неважное. И въ другомъ письмѣ: «Только какъ думаю, не раньше масленицы наши актеры придутъ въ себя и будутъ играть «Вишневый садъ» не такъ растерянно и не ярко, какъ теперь». В. И. Немировичъ-Данченко свидѣтельствуетъ, что «до большой публички пьеса дошла только въ слѣдующихъ сезонахъ. Тонкое, деликатное письмо, отточенный до симво-

ловъ реализмъ, красота чувства, — все это въ первый сезонъ совсѣмъ не было оцѣнено». И еще черезъ два мѣсяца послѣ перваго представленія Чеховъ жаловался Книпперъ: «Какъ это ужасно! Актъ четвертый, который долженъ продолжаться 12 минутъ максимумъ, у васъ идетъ 40 минутъ. Одно могу сказать: сгубилъ мнѣ пьесу Станиславскій».

Въ статьѣ С. Балухатаго приведено много выдержекъ изъ неопубликованной еще переписки Чехова съ Станиславскимъ и Немировичемъ-Данченко во время постановки пьесы. Чеховъ даетъ много самыхъ подробныхъ указаній для распредѣленія ролей, характеристикъ персонажей, декорацій. Вотъ какъ описывалъ Чеховъ домъ: «Домъ долженъ быть солидный, деревянный, вродѣ акасовскаго, или каменный, это все равно. Онъ очень старъ и великъ, дачники такихъ домовъ не нанимаютъ; такіе дома обыкновенно ломаютъ, и матеріалъ пускаютъ на постройку дачъ. Мебель старинная, стильная, солидная; разореніе и задолженность не коснулись обстановки. Когда покупаютъ такой домъ, то разсуждаютъ такъ: дешевле и легче построить новый поменьше, чѣмъ починить старый».

Въ приложеніи къ харьковской книгѣ даны любопытныя статистическія данныя о числѣ постановокъ «Вишневаго сада». Въ 1904 году пьеса прошла по всей Россіи 397 разъ, въ томъ числѣ въ Художественномъ театрѣ 27 разъ. За 30 лѣтъ она была сыграна по всѣмъ театрамъ 1.793 раза. Художественный театръ играетъ ее непрерывно до сихъ поръ, на данныхъ объ исполненіи пьесы въ провинціи съ 1918 года нѣтъ, хотя трудно представить себѣ, чтобы ее совсѣмъ нигдѣ не играли. Среди постановокъ Чехова въ Художественномъ театрѣ «Вишневый садъ» занимаетъ первое мѣсто — 635 спектаклей. «Три сестры» — 334, «Дядя Ваня» — 320, «Ивановъ» — 110 и «Чайка» всего 62.

За послѣднее время постановки пьесы Чехова пользовались большимъ успѣхомъ на японской сценѣ. Въ частности, «Вишневый садъ» шелъ въ двухъ токійскихъ театрахъ и былъ поставленъ по мизансценамъ художественниковъ. Неожиданное «возрожденіе» театра Чехова началось за послѣдніе годы въ Англіи. Недавно «Вишневый садъ» прошелъ въ Лондонѣ 100 разъ въ большомъ театрѣ, рассчитанномъ на самую широкую публику.